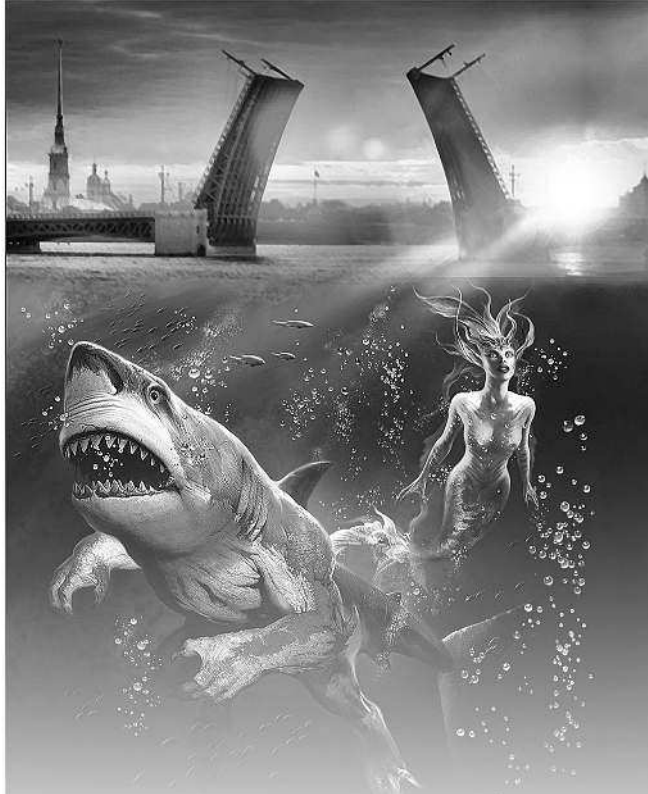


ОСВОД

ОНИ СПАСАЮТ ВАС ОТ ДРЕВНИХ



ВИКТОР ТОЧИНОВ

ЧЕЛЮСТИ СУДЬБЫ



Москва 2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т64

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Точинев, Виктор Павлович.
Т64 ОСВОД. Челюсти судьбы / Виктор Точинев. — Москва : Эксмо, 2018. — 448 с.

ISBN 978-5-04-096769-8

Сергей Чернецов — руководитель отдела совершенно необыкновенного института. Редчайшая комбинация генов позволяла его сотрудникам находиться в одной из двух ипостасей — человека или животного. Разумеется, слонов и крокодилов среди сослуживцев не было. Сам он делил свое существование с большой белой акулой. Череда кровавых событий, разворачивающихся в Неве и ее окрестностях, свидетельствовала о том, что защитное кольцо Земли прорвано и в наш мир рвутся Древние Силы. Их победа не оставит места для человечества. Безуспешные попытки бороться с пришельцами приводят Чернецова и его сотрудников к невероятно рискованному и, пожалуй, единственно верному выводу — необходимо ударить в самое сердце угрозы, таящейся в цитадели Багрового Мира...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096769-8

© Точинев В.П., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Море волнуется, раз...

Глава 1

Первый день весенних каникул

Когда я ходил в первый класс, то просыпался от звуков детской передачи «Пионерская зорька», хотя был всего лишь октябренок. Но просыпался. Мать за стеной увеличивала громкость радиоприемника, и бодря песенка — каждый день одна и та же, одна и та же — командовала: без двадцати восемь утра, пора вставать, завтракать, собираться в школу... Я ненавидел эту передачу и эту песенку и считал, что более отвратительных звуков в мире не существует. Я клялся себе страшными клятвами, что никогда и ни за что не вступлю в пионеры, лучше сбегу в тундру, тайгу, безлюдную пустыню — но не вступлю.

И не вступил, хотя сбежать в тундру не пришлось, — Всесоюзная пионерская организация вскоре как-то сама собой рассосалась, вместе с Союзом и «Пионерской зорькой». Проклятая песенка больше не врывалась в утренние сны. Я начал просыпаться по будильнику, и очень скоро мое мнение о самых отвратительных в мире звуках изменилось. Их, эти звуки, придумали конструкторы Ереванского часового завода, когда трудились, создавая будильник «Бирюза».

Годы спустя я вспоминал и армянских часовщиков, и неблагозвучные трели их детища с ностальгической теплотой — все пять курсантских лет, когда просыпался в казарме от зычного крика: «Рота, подъем!»

Ныне меня будит Дана. Я ее вообще-то нежно люблю, но по утрам... По утрам ее мелодичный голос кажется мне микстом из мерзкой «Зорьки», мерзкой трели будильника и мерзкого вопля дневального.

— Сереженька, пора вставать!

Я промычал что-то невразумительное, пытаясь нырнуть поглубже в сон и там укрыться от неизбежного.

Фраза повторилась, ровно с теми же интонациями, но погромче:

— Сереженька, пора вставать!

— Дана, давай ты сама поднимешь детей... — забормотал я. — И накормишь... А я еще совсем чуть-чуть посплю... А потом отведу их в школу, честно.

Чтобы выдать эту тираду, обосновывающую святое и неотъемлемое право граждан на утренний сон, мне пришлось проснуться. Не совсем, не до конца, но пришлось. И кое-что вспомнилось...

— Дана, у тебя проблемы с памятью! — возмутился я, от возмущения включаясь окончательно. — Какая школа?! Сегодня первый день каникул!

— В школу детям не надо, — согласилась Дана. — Иначе я разбудила бы тебя полтора часа назад. Я сама их и подниму, и накормлю. А тебе пора собираться на службу.

Служба — это святое... И я живенько оказался на ногах и вскоре очутился в душе, где смыл с себя остатки сонливости. Протопал на кухню, вынул из микроволновки завтрак, разогретый Даной, и сварливо поинтересовался:

— А где мой кофе?

Она ответила через кухонный динамик, причем в точности скопировала мою сварливую интонацию:

— А кто не подключил меня вчера к кофемашине? Завари растворимый быстренько...

— Домомучительница!

Другого ответа у меня не нашлось. Ненавижу растворимый... Ну да, сам виноват, но не повод же для попреков... Кофеварка в нашей кухне стоит навороченная, но без блока беспроводного управления, все никак не соберусь его купить и поставить. А вчера опять не состыковал разъем, позволяющий Дане руководить действиями этого агрегата...

Дана, если кто-то еще не догадался, — мои самообучающиеся «умные часы». За шесть лет нашего плотного знакомства она самообучилась разным вещам, не описанным в рекламных проспектах. Даже врать научилась (для моего, как постоянно утверждает, блага). По крайней мере, если во время просмотра футбольного матча Дана скажет, что пива в доме больше нет, — верить ей нельзя, лучше самому сходить к холодильнику и убедиться.

Иногда, рассердившись на Дану, я угрожаю отформатировать ей память и начать процесс обучения заново, с учетом всех ошибок. Но, разумеется, никогда этого не сделаю. Все-таки член семьи, хоть и электронный. Так и живем...

* * *

Или наша негромкая пикировка разбудила Маришку, или ее внутренние часы не успели перестроиться на каникулярный лад, но когда я совсем собрался уходить, дочь выскочила в прихожую — как спала, так и выско-

чила, босиком и в ночной пижаме. Сын не появился, он в смысле утреннего сна мало отличался от меня.

Пришлось задержаться, поздороваться, поцеловать, тут же попрощаться, повторив вчерашние директивы:

— Ложись и досыпай, или не ложись, если не хочешь, поиграй, но Марата не буди. Дана разогреет вам завтрак, съешьте всё. В полдень придут Наташа с Ларой, и вы все вместе отправитесь в зоопарк. Слушайтесь и Дану, и Наташу, приду — проверю.

Без Даны на запястье я чувствую себя в непривычном одиночестве... Но сегодня придется ее оставить приглядывать за детьми.

— Ну конечно же, папочка, мы непременно будем слушаться, — прямо-таки проворковала Маришка.

Судя по хитрющему виду дочери, у них с братцем уже заготовлен на каникулы длинный список шалостей, каверз и даже хулиганских выходок... У Даны-то особо не забалуешь, живо отключит детские каналы на телевизоре и заблокирует выход в Интернет. А вот Наташа, младшая моя сестра, часто потакает племяннице и племяннику. Да и я только стараюсь казаться строгим папой, и не всегда удачно. Нелегко растить двоих детей в одиночку и не баловать их...

Словно подслушав мои мысли, Маришка произнесла задумчивым и почти взрослым тоном:

— Весна пришла... А мама скоро вернется?

— Конечно же, малышка, она скоро вернется... — ответил я, постаравшись сделать вздох незаметным.

Она, так же как и брат, считает, что мама уехала надолго погостить к своему отцу, их дедушке... Знать правду им рановато.

Маришка еще раз поцеловала меня и отправилась в спальню.

— Время выхода из дома было полторы минуты назад, — напомнила Дана, тактично не вмешивавшаяся в разговор отца с дочерью.

— Бегу, уже бегу... — отмахнулся я, но никуда не побежал: приткнулся к экранчику домофона, пощелкал клавишами.

Некоторые перед уходом проверяют: выключен ли утюг, свет и газ, не бежит ли вода из крана, — а у меня такой вот всенепременный ритуал, за утюгом-светом-краном проследит Дана.

Все оказалось в порядке. Никто не поджидал меня ни на лестничной площадке, ни у лифта, ни этажом ниже, ни этажом выше... А случалось всякое, с моей-то службой.

* * *

Поджидали меня внизу, у каморки консьержа. Аж трое: двое в полицейской форме, в сером городском камуфляже, третий — в штатском.

Камуфляжники словно невзначай перехватили поудобнее свои укороченные автоматы, а штатский немедленно обратился ко мне, не позволив даже мгновение потешиться иллюзией, что заявила троица не по мою душу:

— Гражданин Чернецов? — Вопросом слова штатского были лишь по форме, потому что он, не дожидаясь ответа, тотчас же добавил: — Нам необходимо поговорить. Пройдемте.

И, опять-таки не дожидаясь моей реакции, деловито шагнул к выходу.

Один из камуфляжников сделал недвусмысленное движение автоматным стволом: двигай, дескать, на улицу.

Консьерж сидел в своей норке сжавшись, стараясь быть маленьким и незаметным. Но пялился на происходившее во все глаза. Чую, покатытся сегодня по всему подъезду сплетни, обрастая, как снежный ком, проявлениями буйной фантазии... Ладно хоть не додумались задерживать жестко, с заламыванием рук и надеванием наручников, а то ктулху знает что напридумывали бы народные сказители о моей истинной сущности, скрываемой от окружающих.

В общем, я отложил до поры все проявления возмущения и недоумения, решив сократить до минимума сцену, созерцаемую консьержем. Тоже шагнул к выходным дверям, всем видом демонстрируя полнейшее спокойствие, даже равнодушие. Мол, так все и запланировано в моем рабочем ежедневнике — 9:27, рандеву с полицейскими-автоматчиками и штатским, не пойми кем.

Но внутри, вопреки внешнему спокойствию, тревожным колокольчиком позвякивал сигнал: все не так, все неправильно...

Порадовавшись, что дело обошлось без наручников, я поспешил. В микроавтобусе с затонированными стеклами (к нему мы прошагали напрямик от подъезда) мне первым делом предложили вытянуть вперед руки. И тут же защелкнули браслеты на запястьях.

Оковы оказались далеко не стандартными. Покрывавшая их черная краска не смогла скрыть цепочку не то упрощенных иероглифов, не то усложненных рун, — короче говоря, каких-то знаков, мне неизвестных. А в одном месте краска стерлась, облупилась, и выглянувший из-под нее серебристый металл был чем угодно, но только не сталью. Чувство неправильности происходящего уже зашкаливало.

— И отчего же вы, гражданин Чернецов, не интересуетесь причинами вашего задержания? — спросил штатский.

Он вольготно развалился на сиденье напротив меня. Автоматчики были где-то за спиной, вне поля зрения. Водительское место и два пассажирских рядом с ним отделяла от салона стеклянная перегородка, тоже затонированная, — кто находится там, я разглядеть не мог.

— Жду, когда вы все мне объясните. И заодно жду, когда же наконец представитесь.

— Ах да... Совсем забыл... Ротмистр Соколов, отдел особо тяжких преступлений ГУВД.

Он вынул красную книжечку удостоверения, распахнул и тут же схлопнул. Фотографию я разглядеть не успел, фамилию и должность не прочитал... Да и пусть — при современном развитии копировальной и множительной техники не проблема состряпать себе хоть корочки Президента Галактики. Ротмистр так ротмистр, особо тяжкие так особо тяжкие...

Повисла пауза. Наверное, ротмистр ждал вопроса: чем же моя скромная особа заинтересовала столь серьезное подразделение ГУВД? Не дождался и начал сам:

— Вы, гражданин Чернецов, подозреваетесь в совершении преступления. Где вы были сегодня с шести до восьми утра и чем занимались?

— Был у себя дома... И занимался тем, что спал.

— Кто может это подтвердить?

— Вмятина на подушке, больше никто... — сокрушенно ответил я.

Дети тоже спали, а про Дану и заикаться не стоило. Показания электронных созданий никакой юридической силы не имеют.

— Шутки шутите? — неприязненно осведомился ротмистр Соколов. — В главк приедем, не до шуток вам будет, уверяю.

Однако микроавтобус не спешил ехать в главк или в какое-то иное место, так и стоял на месте.

— А пока не приехали, — продолжил Соколов развивать тему, — у вас, Чернецов, есть последний шанс: оформить прямо сейчас чистосердечное признание и явку с повинной. Между прочим, это реальный шанс смягчить наказание.

— Я бы и рад повиниться, мне скрывать нечего... Но в чем? Я что-то взорвал? Кого-то убил? Изнасиловал? Совершил разбойное нападение?

— Убил, убил... — произнес глубокий баритон у меня за спиной. — И съел.

Нет, то не подал голос один из камуфляжников, они так и остались статистами без реплик. Человек, произнесший эти слова, до сих пор на глаза не показывался. А теперь показался: пробрался — пригибаясь, был он высок ростом — в переднюю часть микроавтобуса, уселся напротив, положив на колени ноутбук и потеснив ротмистра, — тот сменил вальяжную позу и подвинулся с торопливостью, свидетельствующей о подчиненном положении Соколова относительно вновь прибывшего.

Новый персонаж был блондином лет сорока пяти на вид, с ледянистыми голубыми глазами и тонкогубым неулыбчивым ртом. Сейчас эти глаза уставились на меня, а губы быстро выпалили вопрос, казавшийся неуместным и нелепым:

— В каком городе жил Иммануил Кант?

— Ну-у... В Калининграде... — ответил я, слегка ошарашенный. — В смысле, в Кенигсберге.

— И чем он знаменит? Не Кенигсберг, а Иммануил Кант?

С этим сложнее... Труды философов не входят в круг моего повседневного чтения, каюсь, моя вина. Труды Канта в том числе. И никогда не входили. Я напряг память, но она ни к селу ни к городу выдала что-то несуразное о Соловках... Но затем все-таки всплыло нечто подходящее, и я радостно отрапортовал:

— Он знаменит тем, что придумал императив. Категорический.

Поведав то единственное, что вспомнил о Канте, я от души надеялся, что меня не попросят сформулировать пресловутый категорический императив. А то ведь срежусь на этом сюрреалистичном экзамене.

Блондин, однако, потерял интерес к философии. Сказал, обращаясь к ротмистру:

— Это был не Дарк. Иначе бы не вспомнил сейчас, кто такой Кант. А слова «категорический императив» вообще бы не выговорил...

— А кто же тогда? — спросил ротмистр Соколов с искренним недоумением.

— Иммануил Кант! Воскрес специально для такого случая! — ответил блондин крайне раздраженно.

Впрочем, что я все заладил: блондин да блондин... В иной, менее экстремальной обстановке, я называю его за глаза ЛБ (сокращение от Литл Босс), а в глаза боссом. Потому что имя-отчество, стоящее у него в документах — Казимир Сигизмундович, — выговаривать долго. А настоящего имени я не знаю. И никто не знает, кроме вышестоящего начальства: ББ и того, о ком говорить не принято.

— И что же доложить на научном совете? — Недоумение Соколова сменилось явной растерянностью.

ЛБ глянул на него так, что казалось: сейчас ударит. Или, по меньшей мере, взорвется длинной нецензурной тирадой. Обошлось без того и другого, но пару лет жизни у г-на Соколова испепеляющий взгляд босса точно отнял. Это, кстати, не метафоры. И про пару лет, и про испепеляющий — не метафоры...

— Раз уж алиби установлено и подтверждено, может, расстегнете браслетики? — вклинился я в их задушевный диалог.

Ротмистр (хотя какой он ротмистр, не смешите ктулху ради... но пусть пока именуется так) вопросительно посмотрел на ЛБ. Тот кивнул, и Соколов полез в карман за ключом.

В отличие от наручников, ключ никто не озаботился покрасить маскирующей черной краской. Судя по оттенку, был он сделан из какого-то сплава на основе серебра. Бородка имела весьма сложную форму, так что согнутой проволочкой эти наручники не отомкнешь. И почему у нас в отделе нет такого полезного аксессуара? Пользуемся при нужде полицейским ширпотребом... Надо будет при случае поднять вопрос перед боссом.

С наслаждением размяв руки, начавшие затекать, я наконец озвучил вопрос, что от самой каморки консьержа не давал мне покоя:

— И в какой деревенской самодеятельности, босс, вы откопали клоунов для этого шоу?

— На чем же мы прокололись? — быстро спросил ЛБ.

— Да на всем... И отдела такого в ГУВД нет, и задержания так не проводят, про наручники вообще молчу... А форма? Эмблемы спецотряда «Горгона» плохо сочетаются с нашивками речной милиции, давненько упраздненной. Совсем не сочетаются... На какой-ни-

будь малобюджетной киностудии реквизит одолжили? Автоматы-то хоть стреляют? Или бутафорские?

— У нас был час на всю подготовку, — мрачно произнес лжеротмистр. — Посмотрел бы, как вы, Чернецов, управились бы за такой срок...

Босс вступился за него:

— Было бы у тебя рыльце в пушку, Сергей, ты бы нашивки с эмблемами не разглядывал, сразу бы в бега рванул.

— Нельзя ли про пушок и рыльце рассказать чуть подробнее? А то сию и ничего не понимаю.

На самом деле я уже догадывался, в чем меня заподозрили и что проверяли... Но больно уж невероятной выглядела догадка.

— Да что тут рассказывать... — ЛБ распахнул ноутбук. — Посмотри сам, впечатляет. Присаживайся поближе. А ты, Соколов, отсыдь вон туда, ты это кино видел. И водителю скомандуй: к Институту.

Мы с фальшивым полицейским послушно совершили рокировку. Значит, он и в самом деле Соколов. Но не ротмистр, ставлю на кон что угодно. Готов съесть его самопальное удостоверение.

Ну-с, что тут у ЛБ за кино?

Глава 2 Интересное кино

В прежние времена сыщики работали неторопливо и вдумчиво. Дотошнейшим образом изучали место преступления и оставленные там мельчайшие следы, привлекали экспертов, просеивали мелким ситом множество людей в поисках тех, кто мог что-то ви-